

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ: ТЕОРИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2014 г. С. К. Нартова-Бочавер*, Н. Б. Астанина**

**Доктор психологических наук, профессор Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва;
e-mail: s-nartova@yandex.ru*

*** Кандидат психологических наук, доцент Воронежского филиала Московского
гуманитарно-экономического института, Воронеж;
e-mail: astanina.nadya@yandex.ru*

Представлен обзор исследований и теорий психологии справедливости в зарубежной персонологии. Проанализированы теории веры в справедливый мир и чувствительности к справедливости. Перечислены методы и приемы исследования психологии справедливости. Описана феноменология веры в справедливый мир – мировоззренческой установки и чувствительности к справедливости как черты личности. Очерчены перспективы психологии справедливости для разных областей прикладной психологии.

Ключевые слова: психология личности, психология справедливости, вера в справедливый мир, чувствительность к справедливости, просоциальные установки, эгоистичные установки, ресурсы личности.

Длительная борьба за справедливость
поглощает любовь, породившую ее.

А. Камю

Идея справедливости играет важную роль в регуляции человеческих взаимоотношений, касающихся распределения жизненных благ, обязанностей, восстановления нарушенных прав, оценки причиненного ущерба и решения конфликтов. Это главная ценность многочисленных социальных институтов, таких, как религия, право, благотворительность; без опоры на нее невозможно поддерживать социальный порядок, регулировать конфликты, управлять людьми. Социальные функции справедливости очевидны [1, 4]. Однако какое место справедливость занимает во внутреннем мире отдельного субъекта, осложняет или упрощает его жизнь и взаимоотношения? Существует ли некий внутренний “счетчик”, показывающий, что человеку повезло, что он оказался неудачником или точно получает то, что честно заработал?

Исследования с участием крыс и приматов показывают, что справедливое обхождение отвечает базовым потребностям животных, которые в этих

условиях чувствуют и ведут себя лучше [11]. Согласно данным нейрогенетики, тенденции к справедливым решениям в игровой ситуации связаны с уровнем нейропептидов – окситоцина и аргинина вазопрессина [25]. Это свидетельствует о том, что идея справедливости может быть закреплена в поведении уже на инстинктивном уровне, обладает эволюционным смыслом и способствует выживанию сообщества.

В то же время не каждая культура и не все люди рассматривают справедливость как центральную добродетель; известно, что она более значима для мужчин, чем для женщин, чаще использующих в своей нравственности тактику заботы [29]. В повседневной жизни, несмотря на постулируемую ценность справедливости, она также часто нарушается. Например, в случае широко распространенного феномена вторичной виктимизации, который проявляется в том, что оказавшиеся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах люди – бедные, больные, пострадавшие от не-

счастливых случаев – вызывают у окружающих не сочувствие и сострадание, а, напротив, желание дистанцироваться и убеждение в том, что они сами заслужили эти страдания [38]. И если одни исследователи изучают то, насколько часто люди стараются восстановить равенство, компенсируя нанесенный ущерб или даруя прощение, другие отмечают, что в реальности жертвы несправедливости часто отвергаются из-за их “дурного” характера, который сформировался вследствие перенесенных стрессов [9, 23, 44, 65, 70, 73, 80]. Таким образом, хотя на социальном уровне справедливость – однозначно позитивная ценность, как регулятор индивидуального поведения она применяется не всегда.

К настоящему времени можно уже говорить о психологии справедливости как отдельной предметной области, хотя терминологический аппарат все еще продолжает уточняться и развиваться. Так, в начале исследований в качестве синонимов использовались такие слова, как *fairness* (англ.; оттенок – честность), *equity* (англ.; оттенок – равенство), *justice* (англ.; оттенок – законность), *Gerechtigkeit* (нем.; оттенок – законность), *distributive Verantwortlichkeit* (нем.; оттенок – ответственность в распределении благ), но сейчас чаще всего используется *justice*. Эмпирически уже довольно глубоко изучены такие виды справедливости, как *distributive justice* (распределение благ и привилегий), *procedural* (принятие решений), *interpersonal* (межличностная, регулирующая равенство), *informational* (реализующая право на доступ к информации) [73, 74, 78, 94].

Справедливость стала привлекать особое внимание психологов после Второй мировой войны, что привело к возникновению четырех направлений исследования. Так, теория относительной депривации (*relative deprivation theory*) утверждает, что установка и реальное поведение, направленные на восстановление справедливости, зависят от того, насколько расходятся ожидания человека и те реальные социальные, политические, экономические блага, которые он получает [4, 42, 45, 93, 94]. Теория равенства (*equity theory*) постулирует, что люди стремятся уравнивать друг друга в распределении благ, и это стремление столь сильно, что они готовы ради него поступиться даже частью собственных преимуществ – в частности, именно поэтому некоторые отказываются от денег, которые ими не заработаны [5, 46, 79]. Третье направление основывалось на гипотезе справедливого мира (*just world hypothesis*) – когнитивного заблуждения относительно того, что каждый в мире получает по заслугам, изученной М. Лерне-

ром (*M. Lerner*) и приведшей к появлению теории веры в справедливый мир [14, 19, 50]. Четвертая линия исследований – теория процедурной справедливости (*procedural fairness theory*) – рассматривает, каким образом в процессе разрешения конфликтов и примирения враждующих сторон участники принятия решения могут воздействовать на содержание правил, по которым следует оценивать меру справедливости, или на сам результат [48, 49].

Интегрируя все существующие к настоящему моменту психологические теории справедливости, Лернер отметил, что на протяжении некоторого времени психологи высказывали предположение о существовании отдельного мотива справедливости (*justice motive theory*), который реализуется в поведении, направленном на восстановление справедливости [36, 42, 45, 46]. Однако и эта позиция находит критиков, сомневающихся в том, что люди действительно стремятся быть справедливыми, а не просто следуют устоявшимся нормам или осуществляют посредством отдельных честных поступков и мудрых суждений долгосрочные инвестиции в собственный социальный капитал, рассчитывая на благоприятное отношение к себе в будущем. Возможны и другие ценностные интерпретации мотивов справедливых поступков [4].

Итак, феномен справедливости на уровне индивидуального сознания и поведения – это чрезвычайно противоречивое явление, переплетение позитивного и негативного, уязвимости и ресурсов человека.

Цель работы – дать очерк зарубежных теорий, описывающих справедливость как персонологический феномен, и представить главные итоги исследований, основанных на этих теориях¹. Мы останавливаемся на анализе двух авторитетных современных теорий – теории веры в справедливый мир, предложенной Мелвином Лернером и развиваемой в работах Исаака Липкуса (*I. Lipkus*), Клаудии Дальберт (*C. Dalbert*), Лео Монтады (*L. Montada*), и концепции чувствительности к справедливости, созданной Манфредом Шмиттом (*M. Schmitt*). Возникнув в США и Германии, эти теории распространились практически по всему

¹ Принимая во внимание значительный рост научного интереса к явлениям справедливости, мы в данной работе намеренно ограничиваемся теми исследованиями, которые выполнены в рамках психологии личности, при этом осознавая, что справедливость регулирует межличностное взаимодействие и потому изучается как объект социологии и социальной психологии. В этой области реализованы исследования *J.S. Adams, M. Deutsch, R. Stock*.

земному шару; существует даже Международное общество изучения справедливости (*International Society for Justice Research, ISJR*). И если теория веры в справедливый мир была первой, обратившейся к изучению данного явления, то концепция чувствительности к справедливости – одна из новейших; в пространстве и времени между ними располагается, по сути, все феноменологическое поле исследований психологии справедливости.

Справедливость – социально значимое явление, требующее тонкой диагностики. Необходимо отметить, что исследования психологии справедливости поражают необыкновенным богатством и разнообразием приемов получения данных, среди которых используются очень трудоемкие ролевые игры, классические лабораторные эксперименты с одним испытуемым, естественные эксперименты и наблюдения. Разрабатываются интервью для получения оценочных суждений, биографические методы, позволяющие оценить личный опыт респондента; несколько позже стали создаваться специальные опросники² [8, 16, 36, 70, 71, 76, 78]; нередко используют дилеммы или виньетки для разделения эксплицитных и имплицитных установок на справедливость, личностных и ситуативных факторов, а также сочетание опросов и эксперимента [85]. В работах по психологии справедливости очень высок уровень требований к применяемым инструментам и практически нет облегченных корреляционных схем, построенных исключительно с использованием опросников, как не встречаются и данные, полученные посредством интернет-опросов.

Какие же ситуации люди склонны рассматривать как несправедливые? Г. Микула выделил пять характеристик подобных ситуаций: 1) в них нарушаются права человека, 2) нарушение прав осуществляется не самим пострадавшим, а другими людьми или группами людей, 3) нарушитель имел возможность поступить иначе, 4) поступок или, напротив, отсутствие нужного действия были преднамеренными, 5) нарушитель не получил возмездия [63, 72].

Очевидно, что подобные ситуации встречаются во всех жизненных сферах, поэтому справедливость – важный аспект семейных отношений, показатель дружелюбности образовательной и профессиональной сред существования человека.

² Наиболее известные опросники – это Шкала веры в справедливый мир (*Belief in a just world*) из 13 пунктов [16], Опросник чувствительности к справедливости (*Justice sensitivity inventory*) из 40 пунктов [76], Шкала чувствительности к несправедливости (*Ungerechtigkeitssensibilitaet-Skala-8 (USS-8)*) из 8 пунктов [8].

На наш взгляд, изучение индивидуальности человека с точки зрения отношения к справедливости может открывать важные личностные ресурсы естественного переживания кризисных и стрессовых ситуаций различной природы и служить основой психоразвивающего воздействия.

ТЕОРИЯ ВЕРЫ В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР

Понятие “вера в справедливый мир” (ВСМ) было введено психологом Лернером в 1960-е годы и описано в его одноименной теории [42–47]. ВСМ представляет собой общую мировоззренческую установку (часто называемую заблуждением или иллюзией), в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен упорядоченно и корректно, представляет собой такое место, где каждый человек, в конечном итоге, получает то, что заслуживает: и награды, и наказания. Эта вера базируется на потребности человека понимать, почему одни благополучны, а другие – несчастны, и проявляется тогда, когда при столкновении со страданиями невинного человека без возможности их прекращения или компенсации люди начинают убеждать себя и других, что жертва заслуживает свои страдания.

Такое заключение Лернер сделал на основе ряда экспериментов, результаты которых описаны в его работе 1980 г. “Вера в справедливый мир: фундаментальное заблуждение” [44]. В экспериментах участники демонстрировали одну и ту же общую схему поведения: стремление оправдать бонусы случайно награжденного участника путем приписывания его личности и поведению привлекательных черт и, напротив, стремление обвинить или обесценить личность случайно выбранного участника, получившего наказание.

Эксперименты показали, что люди стремятся поддерживать веру в справедливость происходящего, несмотря на явные свидетельства обратного. Лернер объяснял этот феномен так: столкновение человека с устрашающей действительностью, с несправедливостью, которую невозможно компенсировать, несет в себе угрозу переживания травмы. Для предотвращения этой угрозы люди начинают использовать набор когнитивных и поведенческих стратегий, которые и помогают им сохранить переживание справедливости и упорядоченности мира.

Причины чрезвычайной травматичности от последствий утраты иллюзии справедливого мира Лернер связывал с особенностями воспитания детей в обществе. Дети достаточно рано начина-

ют понимать, что долгосрочные вложения и привычка зарабатывать – гораздо более эффективные стратегии получения желаемого по сравнению с немедленным сиюминутным удовлетворением своих желаний. Ребенок соглашается жертвовать скорым удовлетворением потребностей ради того, что предписано взрослыми, правилами, обществом в целом, так как это ведет к “наилучшему” результату. Он заключает нечто вроде персонального контракта с судьбой об обмене собственного времени, вложений и заслуг на максимально высокое желаемое вознаграждение. Научившись рано развивать в себе способность заслуживать желаемое, вкладываясь и зарабатывать бонусы в соответствии с правилами, повзрослевший человек обнаруживает, что его жизнь во многом организована в соответствии с его заслугами. Столкновение с непоправимой несправедливостью чрезвычайно травматично для него, поскольку приводит к крушению концепции, в соответствии с которой организована вся жизнь. Именно поэтому людям так важно поддерживать веру в справедливый мир. Человеку проще считать чужие награды или несчастную судьбу заслуженными, чем расстаться с иллюзией справедливого мироустройства [8, 42, 44, 53].

Согласно Лернеру, для большинства людей форма персонального контракта – это базис их способности к целеполаганию и поддержанию психологической стабильности [42, 65]. Однако заключение этого контракта возможно в стабильной среде, где удастся предвидеть результаты своего поведения и где в большинстве случаев ребенок получает ожидаемый результат. Если же ребенок растет в условиях, где четкие правила не действуют, ему сложно научиться организовывать свою жизнь в соответствии с принципом заслуги и верить в то, что мир справедлив. Персональный контракт может развиваться и в условиях хаоса, однако более вероятно, что другие люди – сверстники, взрослые – могут препятствовать или замедлять развитие веры в справедливый мир путем непоследовательных или случайных поступков, создавая нестабильные условия для развития ребенка. В то же время реалистичная картина мира, по мнению Лернера, требует согласиться с тем, что происходящее чаще бывает несправедливым, именно поэтому веру в справедливый мир исследователь называл иллюзией или заблуждением.

Лернер признавал наличие индивидуальных различий в выраженности ВСМ, однако отмечал, что подавляющее большинство людей развивают в себе обязательство организовывать свою жизнь в соответствии с принципом заслуги и обладают

сильной потребностью верить в то, что мир справедлив.

Для поддержания этой веры при столкновении с непоправимой несправедливостью люди используют разные приемы, содержащие, помимо примитивной стратегии обвинения жертвы или оправдания виновника несправедливости, вполне зрелые стратегии [44]. Лернер описывал девять стратегий совладания с переживанием угрозы потерять веру в справедливость. К рациональным относятся, во-первых, стратегия профилактики несправедливости, реализуемая в деятельности по предотвращению возможной несправедливости, и, во-вторых, стратегия восстановления уже утраченной справедливости, проявляющаяся в помощи пострадавшим. Эти стратегии Лернер назвал рациональными, поскольку они подразумевают принятие того, что мир несправедлив.

Нерациональные стратегии, напротив, подразумевают отказ признавать несправедливость мира. К ним относятся отрицание несправедливости, предполагающее физическое и психологическое избегание ситуаций угрозы собственной вере в справедливость, а также три способа интерпретации несправедливости. К числу этих способов относятся: 1) правдоподобное объяснение причины несправедливости, (например, порицание поведения жертвы); 2) связывание наблюдаемой несправедливости с характером жертвы, проявляющееся в преуменьшении достоинств характера жертвы или преувеличении достоинств характера виновника несправедливости; 3) объяснение высшего смысла произошедшей несправедливости. Пример последнего копинг-механизма – это отношение к незаслуженным страданиям не как к негативным, а как к позитивно обусловленным, укрепляющим характер.

В дополнение к рациональным и нерациональным копинг-механизмам Лернер предложил рассматривать две защитные стратегии, которые характеризуют два способа осмысления мира. Во-первых, люди сохраняют ВСМ путем осмысления мироздания в терминах конечной (высшей) справедливости, основанной на идее о том, что справедливость в конце концов свершается, но через большой промежуток времени. Во-вторых, люди воспринимают реальность как нечто, состоящее из двух миров: 1) мира, в котором проживают жертвы и виновники несправедливости; 2) своего собственного справедливого мира. Такой сложный взгляд на мир позволяет его носителям справляться с угрозой утраты веры в справедливый мир путем перевода случаев несправедливости в иную сферу существования – в

полном соответствии с высказыванием А. Шопенгауэра о том, что мир – это ад, в котором каждый, однако, может создать для себя огнеупорное убежище [5]. Наконец, Лернер анализировал еще один способ защиты, в соответствии с которым люди обманывают себя и других в том, что они не верят в справедливый мир и не имеют потребности в него верить. И уж совсем за границами анализа исследователя остаются те люди, которые искренне убеждены в том, что мир не может быть справедливым, и свободны от каких бы то ни было иллюзий по этому поводу.

Итак, в теории Лернера ВСМ определяется как распространенное и очень стойкое заблуждение, которое базируется на имманентной потребности человека жить в безопасной, предсказуемой и управляемой среде. Эта закономерно возникающая и наделенная адаптивным смыслом мировоззренческая установка, тем не менее, характеризуется индивидуальными различиями в степени выраженности и “репертуаре” стратегий, направленных на ее поддержание. Стратегии варьируют от примитивного способа восстановления мнимого соответствия между характером жертвы и ее судьбой до вполне зрелых стратегий, предполагающих толерантность к несправедливости и направленных не на унижение жертвы, а на самоподдержку.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВЕРЫ В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР

Выводы Лернера были революционными для своего времени и породили волну экспериментов и дебатов о сущности феномена ВСМ. Однако из огромного количества экспериментов лишь небольшая их часть была посвящена позитивным проявлениям феномена, в частности исследованию зрелых стратегий совладания с переживанием несправедливости. Подавляющее же большинство исследований было направлено на изучение стратегии обвинения жертвы, что, скорее всего, привело к ошибочному и весьма распространенному мнению о преимущественно антисоциальном характере феномена веры в справедливый мир [36].

Так, в “учебных” экспериментах, проводимых по логике известных экспериментов С. Милгрэма, было обнаружено, что испытуемые с высоким уровнем ВСМ оценивали “неуспешных учеников”, которые за нерешаемые задания получали удар током, хуже, чем респонденты с низким уровнем веры в справедливость, тем самым

как бы отмечая, что наказание было ими заслужено [46]. Позже были получены согласующиеся с экспериментальными корреляционные данные о позитивной связи изучаемой ориентации с авторитаризмом [70], поддержкой государственной монополии на социальное насилие, осуществляемое государством, армией и правосудием [71], политической консервативностью [27, 71, 92]. Было обнаружено также, что вера в справедливый мир положительно связана с негативными установками по отношению к пожилым людям [52, 62, 95], малоимущим [12, 27, 35, 37, 65, 92], жертвам сексуального насилия [24, 59]. Эти, в сущности, антисоциальные следствия исследуемого феномена проявляются в случае столкновения с невосполнимой и устрашающей несправедливостью и воплощают одну из стратегий поддержания веры в справедливый мир [44].

М. Шмитт с коллегами в своем исследовании просил испытуемых оценивать личность тех людей, которые в лотерею проиграли или выиграли. Оказалось, что они склонны ниже оценивать выигравших и выше – проигравших. Это может означать, что вера в справедливый мир оправдывает реально существующее не просто согласно принципу заслуги (“счастье – хорошим, несчастье – плохим”), а более сложным способом, посредством иллюзорной компенсации [80]. Шмитт заключил на основании этих результатов, что вера в справедливый мир может вступать в противоречие с принципом заслуги (*Leistungsprinzip*), и субъект в своей оценке происходящего склонен опираться лишь на одну из этих установок.

Еще один важный результат был получен в работах Ю. Маеса (*J. Maes*) о влиянии веры в справедливый мир на отношение к онкологическим больным [60]. Маес полагал, что ВСМ может принимать по крайней мере две формы: справедливость как уже осуществившуюся в событиях (имманентную) и как еще не определенную во времени возможность (конечную). Удары судьбы, подобные болезням, влияют на представление об имманентной справедливости, однако не затрагивают субъективной уверенности в возможности компенсации или воздаяния, т.е. не влияют на представление о конечной справедливости, о том, что, возможно, будет где-то и когда-то. Согласно этому, негативное отношение к больным положительно коррелировало с имманентной справедливостью и слабо отрицательно – с конечной справедливостью.

Об адаптивных функциях феномена широко заговорили в последнее десятилетие. Было выявлено, что вера в справедливый мир не только

характеризуется нетерпимостью к “иным” и поддержкой авторитарности в разных проявлениях, но и способствует определенным психологическим выгодам. Так, в ряде исследований было обнаружено, что люди с высоким уровнем исследуемого качества реже переживают депрессию [69], одиночество [40], в большей степени удовлетворены супружескими отношениями [51, 53] и своей жизнью в целом [14, 18, 21], более оптимистичны [55], дружелюбны, лучше справляются с собственным гневом, чаще ведут себя просоциально и проявляют благодарность за помощь и участие других людей [15, 17, 20, 67, 68].

Согласно исследованиям К. Дальберт, ВСМ несет по крайней мере три адаптивные функции: 1) она представляет собой знак того, что субъект берет на себя обязательства поступать справедливо, 2) наделяет его уверенностью в том, что и другие будут с ним справедливыми, 3) задает концептуальные рамки для того, чтобы человек мог осмысленно интерпретировать события своей жизни [21, 68]. Таким образом, заключила Дальберт, ВСМ, как и многие другие мировоззренческие стереотипы, экономит психическую энергию человека, поддерживает его доверие к миру и людям.

Индивидуальные различия в восприятии разных аспектов справедливости во многом обусловлены личным опытом и биографией человека. К настоящему моменту собран обширный эмпирический материал о связи ВСМ с другими индивидуальными особенностями. Положительная корреляция была обнаружена с религиозностью как верой в справедливого бога, межличностным доверием как верой в справедливость отдельных людей, с внутренним локусом контроля как убежденностью, что каждый должен заботиться о себе сам [70, 71]. Реализация ценности справедливости в поведении и суждениях зависит и от установок по отношению к беспристрастности, равенству, силе потребности. При этом постулирование ценностей ВСМ высоко коррелирует с теми оценками реальной справедливости, которыми люди руководствуются в своих суждениях [73, 74].

Люди различаются и по уровню своей убежденности в справедливости мира: те, кто сильно верит, более чувствительны к восприятию случаев несправедливости [17, 52, 60, 71]. В зависимости от этого восприятия, в свою очередь, варьируют их переживания и поступки [63]. Обнаружено, что отношение к справедливости зависит от черт личности: так, подозрительные и тревожные люди более чувствительны к фактам их эксплуатации или мошенничества [61, 79]; они ожидают

несправедливости, и эти ожидания способствуют превентивному эгоистическому и даже асоциальному поведению [31, 33, 34]. Покладистые люди имеют тенденцию оценивать справедливость решений выше по сравнению с менее покладистыми [90].

Полученные богатые и неоднозначные данные побудили задуматься о том, что субъект справедливого отношения может идентифицироваться по-разному, и это приводит к разным этическим и психологическим последствиям. Если человек не отделяет себя от мира, чувствует себя синергичным ему, то возникает следующая мировоззренческая картина: на свете все происходит честно, и субъект как часть мира вправе рассчитывать и может надеяться на то, что его оценят по заслугам. Подобная картина стимулирует форму персонального контракта, при которой человек не подвергает сомнению закономерность всего происходящего и, переживая стресс, искренне уверен в том, что за страдания он будет вознагражден. Однако человек может чувствовать и по-другому, а именно, что все в мире честно, каждого ценят по заслугам, и только он несчастное исключение, к которому несправедлива судьба. Можно легко представить, как подобные установки легко порождают идеологически обоснованную готовность к реваншу, знаменитое раскольниковское “Тварь я дрожащая или право имею?” [2]. Известно, что стремление к восстановлению справедливости не всегда приводит к гуманным результатам.

Размышления о месте человека в мире привели к дальнейшей дифференциации концептуального аппарата психологии справедливости. Большинство проанализированных данных было получено при помощи однофакторной шкалы З. Рубина (*Z. Rubin*) и Л. Пепло (*L. Peplau*) [71]. Позже И. Липкус и К. Дальберт с коллегами в процессе создания немецкой версии опросника разделили веру в справедливый мир вообще и веру человека в справедливость по отношению к себе³ [54]. С появлением двумерной модели изучаемого феномена стало более популярным изучение адаптивных функций ВСМ, а именно – той

³ В разных источниках говорят либо о вере в справедливость мира вообще (*General Belief in a Just World*), либо о вере в справедливость по отношению к другим (*Belief in a just World for Others*), что содержит несколько разные смысловые оттенки, и, соответственно, о вере в личную справедливость мира (*Personal Belief in a Just World*) или вере в справедливость мира по отношению к себе (*Belief in a Just World for Self*), однако используется один и тот же опросник *BJWQ*. Условимся обозначать веру в справедливость мира вообще $ВСМ_{общ}$, а веру в личную справедливость – $ВСМ_{личн}$.

ее составляющей, которая была обозначена как $ВСМ_{личн}$. Так, большое количество исследований свидетельствует о том, что: $ВСМ_{личн}$ в большей степени связана с психологической адаптированностью, чем $ВСМ_{общ}$; только $ВСМ_{личн}$ связана с менее выраженными переживаниями депрессии и более высокой жизненной удовлетворенностью [53]. $ВСМ_{личн}$ сильнее отрицательно коррелирует с невротичностью, положительно – с более высокой эмоциональной стабильностью, экстравертированностью и открытостью, чем $ВСМ_{общ}$ [13].

Именно $ВСМ_{личн}$ служит буфером, помогающим жертвам стихийных бедствий поддерживать свое психологическое здоровье. Исследование жертв наводнения показало, что высокая $ВСМ_{личн}$ связана с низким уровнем депрессии, беспокойства и других невротических симптомов в ситуации социальной небезопасности, депрессии, враждебности [17, 98]. Обнаружено, что $ВСМ_{личн}$ является ресурсом для матерей, воспитывающих детей с синдромом Дауна: чем выше ее уровень, тем в большей степени они удовлетворены жизнью и тем менее выражены у них депрессия и беспокойство [39]. Показано также, что $ВСМ_{личн}$ способствует менее выраженному переживанию гнева и поддержанию высокого самоуважения в ситуациях, провоцирующих гнев, в то время как $ВСМ_{общ}$ обладает более специфическим эффектом, который заключается в контроле гнева и сдерживании гнева [20]. Другие исследования демонстрируют, что только $ВСМ_{общ}$ связана с обвиняющими установками по отношению к пожилым людям, малоимущим и безработным, невиновным жертвам [7, 54, 68, 86, 87].

Исследования П. Стрилана (*P. Strelan*) и Р. Саттона (*R. Sutton*) с использованием дилемм позволили уточнить влияние каждого из двух измерений $ВСМ$ на отношение к обидчику: было показано, что те, кто верит в личную справедливость, не имеют желания мстить агрессору или отвергать его, т.е., не испытывая к нему симпатии, все же готовы его простить. С точки зрения социальной адаптации и благополучия это очень важный феномен, показывающий, как $ВСМ_{личн}$ помогает человеку избегать незначительных стрессов и огорчений. $ВСМ_{общ}$, в противоположность этому, является предиктором негативных эмоций. Все вместе моделирует следующую типичную для “потерпевшего” (но, конечно, не единственную) форму социального контракта: “если я жертва, мне стоит воздерживаться от злости, но моему обидчику должно воздаться по заслугам” [84].

Обнаружено также, что у подростков $ВСМ$ обуславливает удовлетворенность жизнью и пла-

нирование своего будущего, однако два измерения этого феномена имеют резко различающееся влияние: если $ВСМ_{личн}$ предполагает уверенность в достижении целей и отрицательно связана с делинквентными намерениями, то $ВСМ_{общ}$, напротив, положительно связана с делинквентными установками и отрицательно – с социально поддерживаемыми целями [87]. У студентов $ВСМ_{личн}$ оказалась однозначно связана с психологической адаптированностью [86].

Имеются и некоторые демографические корреляции. В западных культурах в целом уровень $ВСМ_{личн}$ превышает уровень $ВСМ_{общ}$. По оценкам английских студентов, мир более справедлив к ним самим, чем к другим людям, и в целом более справедлив к мужчинам, чем к женщинам [86, 88]. Эмпирические исследования возрастной динамики $ВСМ$ показали, что у подростков уровень $ВСМ$ выше, чем у взрослых; рубеж, с которого начинается ослабление $ВСМ$, составляет 16–18 лет, при этом $ВСМ_{личн}$ начинает снижаться раньше, чем $ВСМ_{общ}$ [67].

Различие между двумя измерениями $ВСМ$ и связанными с ними явлениями оказалось столь критичным, что побудило задуматься о смысле каждого из них для субъекта: если $ВСМ_{личн}$ связана со многими параметрами благополучия, то $ВСМ_{общ}$ не имеет никаких гедонистических коррелятов, поэтому ее функция для личности непонятна. Исследования Р. Саттона показали, что испытуемые демонстрируют высокий показатель $ВСМ_{общ}$ в нескольких случаях: если у них 1) есть диспозициональная предрасположенность к высокой когнитивной согласованности (*cognitive closure*); 2) обнаруживается низкая толерантность к неопределенности, 3) велика потребность в когнитивной согласованности, и 4) они действуют в условиях ограничения времени. Эти данные позволили заключить, что $ВСМ_{общ}$ обладает эпистемологическим (познавательным) смыслом, способствуя упорядочиванию жизненных обстоятельств субъекта. Такой вывод показывает существование различия двух аспектов $ВСМ$ и важность разницы $ВСМ_{личн}$ – $ВСМ_{общ}$ для предсказания установок и поведения.

Однако и эти данные также претерпевают поправку на особенности культуры. Большинство исследований в западных сообществах обнаружили, что $ВСМ_{общ}$ связана с антисоциальными проявлениями, в то время как $ВСМ_{личн}$ представляет собой ресурс, помогающий людям справляться с жизненными трудностями и способствующий поддержанию психологического здоровья [16, 17]. Но китайские исследователи обнаружили,

что этот вывод не правомерен для коллективистских культур. Согласно их данным, для китайской популяции, в отличие от западных культур, характерно превышение $ВСМ_{общ}$ над $ВСМ_{лич}$. Более того, с психологической устойчивостью и жизненной удовлетворенностью у китайцев связана только вера в $ВСМ_{общ}$ [68, 98]. По мнению М. Ву (*M. Wu*), в Китае принято сохранять веру в справедливость мира, даже переживая сильные фрустрации; эта вера – одна из разновидностей поддерживающей стратегии в коллективистской атеистической стране.

Теория веры в справедливый мир развивается еще в одном направлении: в последнее время становится популярным изучение веры в несправедливый мир как отдельного конструкта. Результаты К. Дальберт показывают, что корреляции между двумя конструктами статистически незначимы, и, как это ни парадоксально, людям свойственно одновременно верить и в справедливость, и в несправедливость мира [21]. Х. Ленч (*H.C. Lench*) и Э. Чанг (*E.S. Chang*) полагают, что вера в несправедливый мир функционирует иначе, чем вера в справедливый мир, и ее уровень повышается при столкновении с негативными событиями, когда люди могут быть напуганы отсутствием позитивного исхода ситуации [41]. В таких случаях возможна рационализация: негативный случай произошел оттого, что мир несправедлив, а не потому, что пострадавший сам виноват в своем несчастье. Эта картина мира, будучи не очень типичной для западных культур, вполне согласуется с буддийской идеей о том, что все сущее – это страдание, и представляется вполне психотерапевтической, так как, утверждая несправедливость как всеобщую норму, вызывает десенсибилизацию к ее отдельным проявлениям, позволяет человеку не тратить слишком много энергии на негативные деструктивные переживания. М. Лернер, говоря о такой мировоззренческой установке, отмечал, что вера в несправедливый мир может выступать как защитная стратегия совладания с травмирующей ситуацией [44].

Итак, изучение веры в справедливый мир как личностной ориентации или мировоззренческой установки привело к получению выразительных, но очень противоречивых данных о роли данного феномена в регуляции поведения и детерминации переживаний человека. Мировоззрение, убеждения и черты личности определяют не только субъективно воспринимаемый уровень справедливости или задают правила ее оценки. Они также влияют на эмоции и реакции в ответ на несправедливость. Однако вопрос о локализации психо-

логического “субстрата” внутри индивидуальности, реализующего ценность справедливости, на протяжении многих лет исследований все же продолжал оставаться открытым: что более корректно – говорить ли о когнитивных схемах субъекта, его моральных переживаниях или отдельных ситуативно обусловленных поступках – в этом между исследователями согласия не наступало. Настало время перейти от дескриптивных моделей к объяснительным и задуматься о том, насколько важным для субъекта оказывается понятие справедливости, использует он его формально или как “реально действующий” конструкт, идентифицируется ли субъект с ролью справедливого человека. И потому оказался вполне естественным ход рассуждений, приведший к предположению о том, что справедливость обладает неодинаковой значимостью для разных людей, и если для кого-то это главный мотив поведения, то другие реализуют свои жизненные планы, совершенно не обращаясь к идее справедливости.

КОНЦЕПЦИЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Основываясь на данных о влиянии черт личности на восприятие справедливости и реальное поведение человека, ряд авторов предположили, что люди обладают различной чувствительностью к справедливости, т.е. в разной мере склонны переживать несправедливость по отношению к себе и с разной силой реагируют на наблюдаемую несправедливость [22, 78, 81, 90]. Было также обнаружено, что готовность воспринимать несправедливость и сила реакций на нее достаточно устойчивы в различных контекстах [8, 76] и на протяжении времени [78]. Все это подвело немецкого психолога М. Шмитта к предположению о том, что существует отдельная черта личности, выполняющая в структуре индивидуальности определенные функции и проявляющаяся в поведении [73, 79]. Первоначально ее назвали “чувствительность к произошедшей несправедливости” (*Sensitivity to befallen injustice*), но позже термин был изменен на “чувствительность к справедливости” (*CS, justice sensitivity*). Поскольку для обнаружения этой чувствительности обычно используются реальные или гипотетические ситуации, в которых справедливость нарушается, то можно также говорить и о чувствительности к несправедливости, т.е. задавать противоположный полюс того же самого конструкта.

Для описания ЧС было предложено четыре индикатора: а) частота переживаемой несправедли-

ности, б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, д) мотивация к восстановлению справедливости [81]. Шмитт показал, что эти индикаторы обладают высокой конвергенцией и при этом отличаются от фрустрационной толерантности, межличностного доверия, гневливости как черты личности и стилей ее выражения. Оказалось также, что ЧС обладает более высокой прогностичностью по отношению к реакции на несправедливость в лабораторных экспериментах в сравнении с другими изученными переменными (чувством гнева, ассертивностью). То же наблюдалось и в естественных условиях. Так, благодаря изучению ЧС оказалось возможным предсказать реакцию студентов, которые попали не в ту группу, куда хотели, в силу недостаточной подготовки по вине преподавателей [79]. Желание отомстить бывшему работодателю со стороны уволенных работников оказалось опосредствовано ЧС [82]; на примере изучения городских сообществ было также показано, что ЧС прямо и косвенно влияет на реальное социальное поведение горожан [74].

В силу того, что концепция чувствительности к справедливости относительно нова, в этой области проведено гораздо меньше исследований по сравнению с концепцией ВСМ, однако результаты впечатляют и кажутся очень эвристичными для объяснения многочисленных феноменов межличностного взаимодействия.

Большинство исследований справедливости рассматривали этот конструкт с позиции жертвы, однако очевидно, что эпизоды несправедливости вовлекают большое количество людей, в разных ролях причастных к происходящему. И потому можно говорить о чувствительности жертвы (*Opfersensibilität, victim sensitivity*), свидетеля (*Beobachtersensibilität, observer sensitivity*) и бенефициара⁴ (*Nutznießersensibilität, beneficiary sensitivity*). Позже последний конструкт был разделен на два, поскольку в зависимости от собственной активности субъект может либо пассивно получать некоторое преимущество, как подарок судьбы и благоприятных обстоятельств, либо активно нарушать справедливость, и тогда точнее

⁴ *Nutznießер*, или *beneficiary*, на русский точнее всего переводится длинным выражением “тот, кто приобрел выгоду” или термином “выгодоприобретатель”, который, однако, обладает частным правовым смыслом и не используется в повседневной лексике. Поэтому мы решили использовать ради краткости пока еще малоупотребляемое, но более точное слово “бенефициар”.

говорить о $Ч_{\text{наруш}}$ (*Tätersensibilität, perpetrator sensitivity*) как подфакторе $Ч_{\text{бенеф}}$ [75, 76]⁵.

Примечательно, что в рамках концепции Шмитта каждый из ролевых участников маркирует присутствие конструкта справедливости только негативными чувствами: согласно данным исследователя, “Меня сердит, когда другим несправедливо везет больше, чем мне” – такое отношение характерно для тех, чьи права ущемили, поскольку именно гнев наиболее распространен для жертвы несправедливости. Для свидетеля несправедливости более характерно моральное возмущение: “Я не могу выносить спокойно, когда кто-то использует других”, для бенефициара и субъекта несправедливого поступка (нарушителя) – чувство вины: “Я чувствую себя виноватым, если мне везет больше без каких бы то ни было причин”, “Меня мучит совесть, когда я лишаю кого-то признания, которое он или она заслужили”. При этом, по-видимому, наименее вовлеченная персона – это свидетель. Что же до позитивных чувств, то они, по мнению Шмитта, менее характерны для причастных к несправедливому событию лиц, в какой бы роли они ни находились. Теоретически подразумеваемая возможность того, что нарушитель или бенефициар могут радоваться или гордиться из-за полученных ими привилегий, концепцией не предусматривается.

Исследования показали, что между четырьмя измерениями ЧС существуют высокие корреляции, тем самым подтверждая обоснованность данного конструкта. Однако позиция жертвы несколько отделена от других, что неудивительно, исходя из ее содержания: ведь если жертва в силу несправедливости нечто теряет, то бенефициар и нарушитель приобретают, а свидетель находится в отстраненной позиции, поскольку ситуация несправедливости не затрагивает его личных интересов. Поэтому их переживания совершенно не могут совпадать.

Чтобы лучше понять эту композицию, было проведено корреляционное исследование между измерениями ЧС и теми особенностями личности, которые обладают выраженной социальной желательностью (эмпатией, принятием ролей, социальной ответственностью) или нежелательностью (макиавеллизмом, паранойей, мстительностью, подозрительностью, завистью, недоверием) [76, 78]. Оказалось, что $Ч_{\text{жертв}}$ положительно связана с социально нежелательными качествами и

⁵ Условимся обозначать Чувствительность к справедливости с позиции жертвы $Ч_{\text{жертв}}$, с позиции свидетеля – $Ч_{\text{свид}}$, с позиции бенефициара – $Ч_{\text{бенеф}}$, с позиции нарушителя – $Ч_{\text{наруш}}$.

вообще не связана с позитивными. Это означает, что люди, с легкостью принимающие позицию жертвы, даже если они действительно пережили несправедливость, одновременно обладают теми качествами, которые никак не приветствуются в обществе (в соответствии с несколько циничной, но реалистичной русской поговоркой “На обиженных воду возят”). А $Ч_{свид}$ и $Ч_{бенеф}$ положительно коррелируют с социально желательными качествами и отрицательно – с нежелательными. Так что с точки зрения развития общества и социальной адаптации, видимо, показано испытывать напряжение и вину в тех ситуациях, когда какие-то привилегии достаются без усилий и заслуг. Кроме того, эти данные говорят о том, что $Ч_{жертв}$ имеет эгоистический оттенок, в то время как другие измерения – скорее кооперативный.

Полученные выразительные данные обусловили необходимость идентифицировать чувствительность к справедливости и локализовать это свойство в структуре индивидуальности. Сравнение с показателями Большой пятерки, чертами личности модели Р. Кеттелла и типологическими факторами Г. Айзенка не обнаружило значительных корреляций, свидетельствуя о том, что, как и предполагалось, чувствительность к справедливости не может быть отнесена к вершине иерархии личностных черт [13, 76, 78]. Однако можно ожидать, что чувствительность к справедливости может иметь статус черты более низкого порядка. Регрессионный анализ фасеток опросника *NEO-PI-R*, изучающего Большую пятерку, на $ЧС$ показал, что все измерения положительно связаны с самоосознанием, открытостью чувствам, мягкосердечием и скромностью, но при этом $Ч_{жертв}$ имеет все же особую композицию коррелятов, будучи связанной с враждебностью и отрицательно – с согласием [8, 76]. Но в силу того, что регрессионный анализ объясняет лишь 33% вариативности измерений $ЧС$, исследователи заключили, что $ЧС$ не может быть сведена к комбинации личностных черт низшего порядка и потому претендует на статус самостоятельной черты, включающей, в свою очередь, четыре субчерты (измерения). Влияние демографических характеристик на $ЧС$ незначительно; показано, однако, что женщины и выходцы из Восточной Германии более чувствительны к справедливости по сравнению с мужчинами и теми, кто жил в Западной Германии. Обнаружено также, что в целом $ЧС$ падает с возрастом, а $Ч_{наруш}$ – уменьшается еще и по мере повышения образованности.

Несмотря на то, что $ЧС$ признана чертой, она испытывает и влияние ситуационных факторов.

Р. Вийн (*R. Wijn*) и К. ван ден Бос (*K. van den Bos*), предлагая своим респондентам фильмы о социальной справедливости или несправедливости, обнаружили, что $Ч_{свид}$ (но не другие измерения) больше всего подвержена флуктуациям, повышаясь после просмотра сюжета о несправедливых событиях [96]. Исследователи делают вывод: человек, по-видимому, вообще более восприимчив к событиям несправедливым, чем справедливым, что вполне согласуется с известным фактом большей дифференцированности негативных эмоций и богатства слов для их обозначения.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Эмпирические исследования $ЧС$ показывают, что ее измерения имеют различную феноменологию и определяют различные поведенческие установки; более того, будучи отдельными чертами личности, они не обязательно встречаются вместе. Таким образом, важно не только то, представляет ли справедливость значимую ценность для личности, но, что намного важнее, из какой позиции субъект к ней относится и какой личный опыт проецирует на готовность быть обиженным, чувствовать себя защитником слабых или проявлять великодушие в ущерб собственным интересам. Все это восходит к идее справедливости, однако порождает совершенно разные жизненные стратегии, которые, конечно же, должны быть изучены не только с точки зрения их связи с социальным поведением, но и в аспекте психологического благополучия – уязвимости и личностных ресурсов человека.

В работах С. Лотца (*S. Lotz*) подробно изучена позиция свидетеля несправедливости, который в наиболее вероятном случае испытывает радость из-за того, что жертва – это не он, и стремится исправить несправедливость, основываясь не столько на эмоциях, сколько на здравом расчете [57, 58]. Бенефициар же, охваченный пылким моральным чувством, склонен изменять ситуацию по горячим следам. Однако как мера причастности, так и воля к торжеству справедливости могут сильно варьировать. Респондент был поставлен в следующую ситуацию: ему было известно, что несколько раньше один из двух человек (персона А) получил 10 евро и право поделиться ими с другим (персоной В) так, как хочет. Участник А решил, что оставит эти деньги себе. Испытуемый-наблюдатель может оставить ситуацию как она сложилась, и тогда он получит 5 евро за участие в эксперименте, но может и пожертвовать

частью своего предполагаемого вознаграждения при условии, что на каждый евро, от которого он откажется, участник *A* будет выделять участнику *B* в два раза больше. Таким образом, экспериментальная ситуация связала вместе трех человек с очевидной финансовой заинтересованностью и конфликтом интересов, как это часто и бывает в реальной жизни.

Обнаружилось, что люди с высокими показателями $\text{Ч}_{\text{свид}}$ или $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ склонны вмешиваться в подобные ситуации и восстанавливать справедливость даже ценой личных потерь (подобные установки называют альтруистическим самопожертвованием (*altruistic punishment*) и рассматривают как коррелят чувства моральной правоты). Поэтому данные виды чувствительности изучаются в связи с моральными чувствами как, возможно, имеющие отношение к их генезису и динамике. И действительно, обнаружено, что сила моральных переживаний влияет на готовность к альтруистическому самопожертвованию, но эта связь наиболее сильна у людей с высоким показателем $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$, несколько ниже у обладающих высоким значением $\text{Ч}_{\text{свид}}$ и вообще отсутствует у тех, кто имеет высокую $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ [57].

Результаты показали также, что люди с высокими показателями по $\text{Ч}_{\text{свид}}$, $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ и $\text{Ч}_{\text{наруш}}$ ведут себя в соответствии с декларируемыми ими нормами, т.е. готовы реально делиться своими деньгами ради восстановления справедливости в игровой, но, тем не менее, затрагивающей их финансовые интересы ситуации. А вот те, у кого повышена $\text{Ч}_{\text{жертв}}$, никогда так не поступают, что и отразилось в отрицательной корреляции $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ и реального поведения респондента. Таким образом, можно заключить, что субъекты с высокими показателями $\text{Ч}_{\text{свид}}$, $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ и $\text{Ч}_{\text{наруш}}$ отличаются большей психологической самосогласованностью, конгруэнтностью установок и поведения.

Измерения чувствительности к справедливости по-разному связаны с эгоистическими или просоциальными установками и поведением и ясно проявляют себя в ситуациях, обладающих социальной значимостью. Так, в эксперименте с использованием ролевой игры “Гражданская смелость” было показано, что если за $\text{Ч}_{\text{свид}}$, $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ и $\text{Ч}_{\text{наруш}}$, видимо, стоит потребность в справедливости, то $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ выражает только страх субъекта перед тем, как бы самому не оказаться ущемленным. Аспекты ЧС различаются также и по сопутствующим эмоциям: $\text{Ч}_{\text{свид}}$ усиливает возмущение несправедливостью, $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ – чувство вины. В целом обращает на себя внимание просоциальная направленность людей с высокими показателя-

ми $\text{Ч}_{\text{свид}}$, $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ и $\text{Ч}_{\text{наруш}}$, что дало основание Лотцу даже обозначить эти качества как обобщенную $\text{Ч}_{\text{просоциал}}$.

С этими результатами согласуется и множество других эмпирических данных. Так, М. Голлвитцер (*M. Gollwitzer*) с соавторами показал, что $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ является предиктором сочувствия к уязвимым группам и отдельным персонам, в то время как $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ способствует отказу от личной ответственности и, более того, повышает вероятность носителя этой черты поступать при наличии искушений аморально [30, 33]. Дальнейшие доказательства расхождения измерений ЧС были получены в исследованиях с использованием игр на социальные дилеммы (“Диктатор”, “Ультиматум”), где обнаружилось, что люди с высокими показателями $\text{Ч}_{\text{свид}}$ и $\text{Ч}_{\text{бенеф}}$ склонны принимать кооперативные решения, в то время как те, у кого высок показатель $\text{Ч}_{\text{жертв}}$, склоняются к эгоистичным выборам [26]. Другие эксперименты говорят о том, что даже незначительных намеков на ненадежность партнеров в прошлом и присутствия риска в ситуации взаимодействия достаточно для того, чтобы люди с высокими показателями $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ склонялись к эгоистическим решениям, видимо, в силу своей высокой дефензивности и страха быть использованными другими. Люди с высокими показателями $\text{Ч}_{\text{свид}}$ сохраняют кооперативные установки, что может быть объяснено их сильными устойчивыми моральными инстанциями [33].

Вероятно, в силу того что позиция жертвы в ситуации нарушенной справедливости разительно отличается от позиций остальных участников, именно $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ привлекла внимание наибольшего количества исследователей. Вопрос о том, по отношению к чему же действительно проявляется $\text{Ч}_{\text{жертв}}$, хотят ли обладающие этой чертой люди восстановить баланс после пережитых прежде фатальных ущемлений прав или просто стремятся избежать эксплуатации и унижений в актуальный момент жизни, изучался в экспериментах М. Голлвитцера и Т. Ротмунда (*T. Rothmund*). Ими было обнаружено, что $\text{ЧС}_{\text{жертв}}$ проявляется прежде всего к возможным угрозам их безопасности здесь и сейчас, а не к нарушению справедливости вообще. Эти и другие результаты обобщены ими в модели чувствительности к опасным намерениям (“*Sensitivity to Mean Intentions*” (*SeMI*)), раскрывающей социальное предназначение $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ как катализатора способности распознавать опасности [31].

$\text{Ч}_{\text{жертв}}$ оказалась также и предиктором оценок и суждений, которые высказываются в условиях недостатка информации. Так, испытуемые с вы-

сокими показателями в эксперименте с оценкой изображений лиц, смоделированных при помощи компьютера, чаще оценивали людей с нейтральным или злым выражением как ненадежных по сравнению с теми респондентами, у которых был низкий показатель $Ч_{жертв}$. В отношении дружелюбных портретов таких эффектов отмечено не было. А в другой серии, где испытуемых просили оценить предполагаемую готовность к помощи у реальных людей, которых они видели впервые, точность оценок отрицательно коррелировала с показателем $Ч_{жертв}$: те, у кого он был высоким, систематически занижали готовность воспринимаемых ими людей помогать другим. Таким образом, $Ч_{жертв}$, видимо, способствует такому восприятию окружающих, при котором они выглядят менее дружелюбными и моральными [32].

Однако отрицательные связи $Ч_{жертв}$ этим еще не исчерпываются. Т. Герлах (*T. Gerlach*) с соавторами показала, что $Ч_{жертв}$ отрицательно связана с готовностью прощать близких – друзей и романтических партнеров, причем эта зависимость носит непрямой характер: она сильна у тех респондентов, которые стали бы меньше доверять партнеру после его неблагоприятного поступка, проявлять склонность к ответным асоциальным действиям и вообще были бы готовы пересмотреть перспективы дальнейших отношений [28]. Таким образом, очевидно, готовность назначить себя на роль жертвы предполагает множество сложных социальных поведенческих паттернов: установку на разрыв близких отношений и, возможно, манипулятивное желание не прощать. Очевидно, что подобные установки имеют неконструктивный характер и могут приводить к вторичной виктимизации, в силу которой окружающие будут дистанцироваться от “несчастливого травматика”.

Не только межличностные аспекты чувствительности к справедливости привлекают внимание исследователей; существует большое количество работ, выстраивающих “мост” между персонологией и когнитивной психологией, которые показывают влияние ЧС на поведение через особенности процессов переработки информации, такие как автоматические мысли, интерпретация неоднозначной информации, воспоминания об определенных релевантных событиях. В качестве причины обнаруженного влияния может рассматриваться повышенная активность и разработанность понятий, описывающих явления справедливости–несправедливости. В результате люди с высокой ЧС уделяют большее внимание тем стимулам, которые содержали несправедливость, чем тем, что имели нейтральное содер-

жание, а неопределенные ситуации в условиях дефицита информации они склонны интерпретировать скорее как несправедливые по сравнению с теми, у кого показатель ЧС невысок. Наконец, они лучше запоминают эпизоды и события, связанные с несправедливостью, чем нейтральные. Таким образом, ЧС способствует тому, что концепты справедливости–несправедливости чаще используются в повседневной реальности, образуя своеобразный когнитивный фильтр для оценки происходящего [6, 75, 83, 89].

ЧС способна также и направлять процессы внимания, что было обнаружено М. Штаубах (*M. Staubach*) в ее работе с использованием “теста точки” (*dot probe task*). Исследовательница сосредоточилась на изучении $Ч_{свид}$, уточнении валидности этой субчерты и ее смысла как катализатора распознавания несправедливой информации. Смысл эксперимента состоял в том, что испытуемым на дисплее показывали пары слов, одно из которых быстро заменялось точкой. Затем испытуемого просили назвать это слово и одновременно нажать на клавишу. Среди нейтральных слов-стимулов встречались описывающие справедливость или несправедливость, а зависимыми переменными были правильность воспроизведения и время задержки моторной реакции. Перед экспериментом использовалось индуцирование посредством показа короткого фильма с агрессивными эпизодами из жизни меннонитов для активизации конструкта справедливости. Оказалось, что испытуемые с высокими показателями $Ч_{свид}$ существенно лучше воспринимали слова, относящиеся к несправедливости, а время реакции у них возрастало после просмотра фильма о несправедливости. В том же исследовании показано, что тренинг, направленный на распознавание или, напротив, избегание конструктов справедливости–несправедливости, не оказал никакого влияния на ЧС, что побуждает задуматься о психологической природе этой черты и причинах ее столь высокой резистентности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ исследований в области психологии справедливости показал, что этот предмет привлекает внимание многочисленных исследователей. К настоящему времени наиболее авторитетными считаются теория веры в справедливый мир и концепция чувствительности к справедливости. Если вера в справедливый мир, имеющая два измерения, представляет собой мировоззренческую установку, которая направляет когнитивные про-

цессы, переживания и собственную активность субъекта, то чувствительность к справедливости, обладающая четырьмя аспектами, – это черта личности. Обилие предикторов и коррелятов ВСМ и ЧС показывают, насколько важны эти феномены для межличностного взаимодействия, вероятно, про- и асоциального развития.

Однако, как верно отметил видный исследователь психологии морали Г. Микула (*G. Mikula*), моральные нормы не существуют “вообще” и не могут быть изучены вне индивидуальных различий [63]. Обобщая богатые данные зарубежных исследований, можно сказать, что наиболее благоприятными для социального взаимодействия и психологического здоровья переменными, по-видимому, являются $ВСМ_{личн}$, $Ч_{свид}$, $Ч_{бенеф}$ и $Ч_{наруш}$, потому что именно эти факторы, утверждая благоволение судьбы к человеку, способствуют его переживанию высокой самооценности и, как следствие, готовности изменять мир к лучшему, чувствовать благодарность, помогать другим и исправлять неблагоприятные жизненные обстоятельства. К числу факторов риска для личностного развития могут быть отнесены $ВСМ_{общ}$ и $Ч_{жертв}$, что неудивительно, потому что и то и другое побуждает человека, либо рассчитывающего во всем на справедливость, либо подстраивающегося к действительности из неблагоприятной позиции ранее обиженного человека, в первую очередь защищать собственные интересы. Описание уязвимости и ресурсов личности, основываясь на психологии справедливости, на наш взгляд, может дать новое русло исследованиям в психологии стресса, объясняющим, почему в одних и тех же трудных жизненных ситуациях у одних начинается посттравматический рост, а у других развиваются рентные установки.

Вера в справедливый мир упорядочивает события, происходящие в мире, а чувствительность к справедливости мотивирует субъекта к просоциальному поведению. Но, как ни странно, большинство связей, возникающих в пространстве личности вокруг переменных, маркирующих конструкт справедливости, неблагоприятны, что подводит к следующему заключению: начиная “фильтровать” свое бытие сквозь призму справедливости, человек рискует вызвать не самое лучшее отношение со стороны других и вообще стать не очень счастливым. И хотя справедливость – необходимая социальная ценность, возникает впечатление, что, возможно, для психологического благополучия и личного счастья она может быть как помощником, так и помехой. Как и многие другие на пер-

вый взгляд позитивные феномены, идея справедливости – “обоюдоострый меч”.

Исследования психологии справедливости, на наш взгляд, могут быть продолжены в нескольких направлениях. Для феномена веры в справедливый мир было бы интересно составить типологию личности с учетом особенностей мировоззренческой картины: $ВСМ_{общ} > ВСМ_{личн}$ или $ВСМ_{общ} < ВСМ_{личн}$ и посмотреть возможные траектории самореализации в обоих случаях. Для чувствительности к справедливости перспективным представляется связать измерения этой черты со стратегиями выхода из сложных жизненных ситуаций, встречающимися в социальной и клинической практике: в работе с трудными подростками, родителями детей с ОВЗ, людьми, пережившими эмиграцию, супружескую измену, служебный стресс, с теми, кто перенес травму, тяжелую болезнь или пережил несправедливость. Очевидно, что мало кто может избежать хотя бы одного из перечисленных испытаний, поэтому области применения психологии справедливости практически бесконечны. Чрезвычайно интересным представляется изучение людей, мало чувствительных к справедливости, посмотреть, насколько они благополучны, чем примечательны, что же упорядочивает их жизнь в отсутствие этой консолидирующей ценности.

У отечественных ученых также вызывает интерес это этико-психологическое явление, очевидно несущее отпечаток особенностей российской ментальности, что заслуживает отдельного исследования [1, 3, 4, 66, 97]. К настоящему времени авторами осуществлена первичная психометрическая подготовка шкал ВСМ и ЧС; изложение полученных с их помощью данных – наша ближайшая перспектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гулевич О.А.* Социальная психология справедливости. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
2. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5.
3. *Михайлова М.М.* Представления заключенных и законопослушных граждан о справедливости и вера в справедливый мир – сравнительный анализ // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 7–12.
4. *Соснина Л.М.* Тенденции исследования справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 40–49.
5. *Шопенгауэр А.* Об интересном. М.: Олимп; АСТ, 1997.

6. Baumert A., Gollwitzer M., Staubach M., Schmitt M. Justice Sensitivity and the Processing of Justice-related Information // *European Journ. of Personality*. 2011. V. 25. P. 386–397.
7. Be`gue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // *Journal of Personality*. 2003. V. 71. P. 435–463.
8. Beierlein C., Baumert A., Schmitt M., Kemper Ch.J., Kovaleva A., Rammstedt B. Kurzskalen zur Messung der Ungerechtigkeitssensibilitaet: Die Ungerechtigkeits-sensibilitaet-Skalen-8 (USS-8) // Leibniz-Institut fuer Sozialwissenschaften. Working papers. 2012. V. 21. URL: http://www.gesis.org/uploads/media/USS8_Workingpaper_02.pdf
9. Bierhoff H.-W., Klein R., Kramp P. Evidence for the altruistic personality from data on accident research // *Journal of Personality*. 1991. V. 59. P. 264–280.
10. Braband J., Lerner M.J. “A little time and effort”... Who deserves what from whom? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1974. V. 1. P. 177–179.
11. Brosnan S.F., De Waal F.B.M. Monkeys Reject Unequal Pay // *Nature*. 2003. 25. P. 297–299.
12. Campbell D., Carr S.C., McLachlen E. Attributing “third world poverty” in Australia and Malawi: A case of donor bias // *Journal of Applied Social Psychology*. 2001. V. 31(2). P. 409–430.
13. Costa P.T., Mc Crae R.R. NEO PI/FFI manual supplement. Odessa: Psychological Assessment Ressources, 1989.
14. Dalbert C. Gefaehrung des Wohlbefindens durch Arbeitsplatzunsicherheit: Eine Analyse des Einflussfaktoren Selbstwert und Gerechte-Welt- Glaube // *Zeitschrift fuer Gesundheitspsychologie*. 1993. V. 1. P. 235–253.
15. Dalbert C. Belief in a just world, well-being, and coping with an unjust fate // *Responses to victimizations and belief in a just world* / Eds. L. Montada, M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. P. 87–105.
16. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale’s validity // *Social Justice Research*. 1999. V. 12. P. 79–98.
17. Dalbert C. The justice motive as a personal resource: Dealing with challenges and critical life events. N.Y.: Plenum Publishers, 2001.
18. Dalbert C., Katona-Sallay H. The belief in a just world in Hungary // *Journ. of Cross-Cultural Psychology*. 1996. V. 27(3). P. 293–314.
19. Dalbert C., Montada L., Schmit M. Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen // *Psychologische Beiträge*. 1987. V. 29. P. 596–615.
20. Dalbert C. Beliefs in a just world as a buffer against anger // *Social Justice Research*. 2002. № 15. P. 123–145.
21. Dalbert C., Lipkus I., Sallay H., Goch I. A just and an unjust world: Structure and validity of different world belief // *Personality and Individual Differences*. 2001. V. 30. P. 561–577.
22. Dar Y., Resh N. Exploring the multifaceted structure of sense of deprivation // *European Journ. of Social Psychology*. 2001. V. 31. P. 63–81.
23. Deci E.L. *Intrinsic motivation*. N.Y.: Plenum Press. 1975.
24. Drou C.E., Gaertner S.L. Gender differences in reactions to female victims // *Social Behavior and Personality*. 1994. V. 22. P. 267–278.
25. Ebstein R.P. The molecular genetic architecture of human personality: beyond self-report questionnaires // *Molecular Psychiatry*. 2006. V. 11. P. 427–445.
26. Fetchenhauer D., Huang X. Justice sensitivity and distributive decisions in experimental games // *Personality and Individual Differences*. 2004. V. 36. P. 1015–1029.
27. Furnham A., Gunter B. Just world beliefs and attitudes towards the poor // *British Journ. of Social Psychology*. 1984. V. 23. P. 265–269.
28. Gerlach T.M., Allemand M., Agroskin D., Denis-sen J.J. Justice Sensitivity and Forgiveness in Close Interpersonal Relationships: The Mediating Role of Mistrustful, Legitimizing, and Pro-Relationship Cognitions // *Journal of. Personality*. 2012. V. 80. No. 5. P. 1373–1413.
29. Gilligan C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women’s Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1982.
30. Gollwitzer M., Rothmund T. When the need to trust results in unethical behavior: The Sensitivity to mean intentions (SeMI) model // *Psychological perspectives on unethical behavior and decision making* / Ed. D. De Cremer. Charlotte, NC: Information Age, 2009. P. 135–152.
31. Gollwitzer M., Rothmund T. What Exactly Are Victim-Sensitive Persons Sensitive To? // *Journ. of Research in Personality*. 2011. V. 45(5). P. 448–455.
32. Gollwitzer M., Rothmund T., Alt B., Jekel M. Victim Sensitivity and the Accuracy of Social Judgment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. № 38 (8). P. 975–984.
33. Gollwitzer M., Rothmund T., Pfeiffer A., Ensenbach C. Why and when justice sensitivity leads to pro- and antisocial behavior // *Journal of Research in Personality*. 2009. V. 43. P. 999–1005.
34. Gollwitzer M., Schmitt M., Schalke R., Maes J., Baer A. Asymmetrical effects of justice sensitivity perspectives on prosocial and antisocial behavior // *Social Justice Research*. 2005. V. 18. P. 183–201.

35. *Guzewicz T.D., Takooshian H.* Development of a short-form scale of public attitudes toward homelessness // *Journ. of Social Distress & the Homeless*. 1992. V. 1(1). P. 67–79.
36. *Hafer C.L., Bègue L.* Experimental research on just-world theory: Problems, developments, and future challenges // *Psychological Bulletin*. 2005. V. 131. P. 128–167.
37. *Harper D.J., Wagstaff G.F., Newton J.T., Harrison K.R.* Lay causal perceptions of third world poverty and the just world theory // *Social Behavior and Personality*. 1990. V. 18 (2). P. 235–238.
38. *Herbert T.B., Dunkel-Schetter C.* Negative social reactions to victims: An overview of responses and their determinants // *Life crises and experiences of loss in adulthood* / Eds.: L. Montada, S.-H. Filipp & M.J. Lerner. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992. P. 497–518.
39. *Iram F.* Belief in a just world and subjective well-being in mothers of normal and Down syndrome children: PhD Dissertation. Lahore. 2009.
40. *Jones W.H., Freemon J.E., Goswick R.A.* The persistence of loneliness: Self and other determinant // *Journ. of Personality*. 1981. V. 49. P. 27–48.
41. *Lench H.C., Chang E.S.* Belief in an Unjust World: When Beliefs in a Just World Fail // *Journ. of Personality assessment*. 2007. V. 89 (2). P. 126–135.
42. *Lerner M.J.* The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms // *Journ. of Personality*. 1977. V. 45. P. 1–52.
43. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. V. 85. P. 1030–1051.
44. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y.: Plenum. 1980.
45. *Lerner M.J.* The Justice Motive: Where Social Psychologists Found It, How they Lost It, and Why They May Not Find It Again // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 388–399.
46. *Lerner M.J., Simmons C.H.* Observer's reaction to the "innocent victim": Compassion or rejection? // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1966. V. 4. P. 203–210.
47. *Lerner M.J., Miller D.T., Holmes J.G.* Deserving and the emergence of forms of justice // *Advances in experimental social psychology* / Eds.: L. Berkowitz & E. Walster. N.Y.: Academic Press. 1976. V. 9. P. 133–162.
48. *Leventhal G.S.* What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationships // *Social exchange* / Eds.: K.J. Gergen, M.S., Greenberg & R.H. Willis. N.Y.: Plenum. 1980. P. 27–55.
49. *Lind A.E., Tyler T.R.* The social psychology of procedural justice. N.Y.: Plenum, 1988.
50. *Lipkus I.* The construction and preliminary validation of a global belief in a just world scale and the exploratory analysis of the multidimensional belief in a just world scale // *Personality and Individual Differences*. 1991. V. 12. P. 1171–1178.
51. *Lipkus I.M., Bissonnette V.* The belief in a just world and willingness to accommodate among married and dating couples // *Responses to victimizations and belief in a just world* / Eds.: L. Montada, & M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. P. 127–140.
52. *Lipkus I.M., Siegler I.C.* The belief in a just world and perceptions of discrimination // *Journal of Psychology*. 1993. V. 127(4). P. 465–474.
53. *Lipkus I., Bissonnette V.L.* Relationships among belief in a just world, willingness to accommodate, and marital well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22(10). P. 1043–1056.
54. *Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C.* The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. P. 666–677.
55. *Littrell J., Beck E.* Perceiving oppression: Relationships with resilience, self-esteem, depressive symptoms, and reliance on God in African-American homeless men // *Journal of Sociology and Social Welfare*. 1999. V. 26 (4). P. 137–158.
56. *Long G.T., Lerner M.J.* Deserving, the "personal contract" and altruistic behavior by children // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. V. 29. P. 551–556.
57. *Lotz S.* The stability and fragility of fairness: How individual concerns for justice affect human perception, emotion, and behavior: PHD dissertation. Köln, 2010.
58. *Lotz S., Baumert A., Fechtenhauer D., Gresser F., Schlösser T.* Justice Sensitivity, Moral Emotions, and Altruistic Punishment // *IACM 23rd Annual Conference Paper*. SSRN. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1612791
59. *Luginbuhl J., Mullin C.* Rape and responsibility: How and how much is the victim blamed? // *Sex Roles*. 1981. V. 7. P. 547–559.
60. *Maes J.* Immanent justice and ultimate justice: Two ways of believing in justice // *Responses to victimizations and belief in a just world* / Eds.: L. Montada, M. Lerner. N. Y.: Plenum, 1998. P. 9–40.
61. *Major B., Deaux K.* Individual differences in justice behavior // *Equity and justice in social behavior* / Eds.: J. Greenberg & R. L. Cohen. NY: Academic Press, 1982. P. 43–76.
62. *McLean M.J., Chown S.M.* Just world beliefs and attitudes toward helping elderly people: A comparison of British and Canadian university students // *International Journ. of Aging and Human Development*. 1988. V. 26 (4). P. 249–260.

63. *Mikula G.* On the experience of injustice // *European Review of Social Psychology* / Eds.: W. Stroebe & M. Hewstone. Chichester: Wiley, 1993. V. 4. P. 223–244.
64. *Montada L., Lerner M.J. (Eds.)*. Responses to victimizations and belief in a just world. N.Y.: Plenum Press, 1998. P. 163–186.
65. *Montada L.* Belief in a just world: A hybrid of justice motive and selfinterest? // *Responses to victimizations and belief in a just world* / Eds. L. Montada, & M. J. Lerner. N.Y.: Plenum Press, 1998. P. 217–246.
66. *Nartova-Bochaver S., Astanina N.* Individual Differences in Russian Adults' Justice Sensitivity: 16th European Conference on Personality Psychology. July 10–14 2012. Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-5. P. 24.
67. *Oppenheimer L.* The belief in a just world and subjective perceptions of society: A developmental perspective // *Journal of Adolescence*. 2006. Is. 4. V. 29. P. 655–669.
68. *Otto K., Dalbert C.* Belief in a just world and its functions for young prisoners // *Journal of Research in Personality*. 2005. V. 39. P. 559–573.
69. *Ritter C., Benson D.E., Snyder C.* Belief in a just world and depression // *Sociological Perspective*. 1990. V. 235. P. 235–252.
70. *Rubin Z., Peplau L.A.* Belief in a just world and reactions to another's lot: A study of participants in the national draft lottery // *Journal of Social Issues*. 1973. V. 29 (4). P. 73–93.
71. *Rubin Z., Peplau L.A.* Who believes in a just world? // *Journal of Social Issues*. 1975. V. 31(3). P. 65–89.
72. *Sabbagh C., Dar Y., Resh N.* The structure of social justice judgements: A facet approach // *Social Psychology Quarterly*. 1994. V. 57. P. 244–261.
73. *Schmitt M.* Abriß der Gerechtigkeitspsychologie (Berichte aus der Arbeitsgruppe "Verantwortung, Gerechtigkeit, Moral" Nr. 70). Trier: Universität Trier, Fachbereich I- Psychologie. 1993.
74. *Schmitt M., Dörfel M.* Procedural injustice at work, justice sensitivity, job satisfaction and psychosomatic well-being // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 443–453.
75. *Schmitt M., Baumert A., Fetchenhauer D., Gollwitzer M., Rothmund R., Schlösser T.* Sensibilität für Ungerechtigkeit // *Psychologische Rundschau*. 2009. Nr. 60(1). S. 8–22.
76. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // *Social Justice Research*. 2010. V. 23. P. 211–238.
77. *Schmitt M., Gollwitzer M., Baumert A., Gschwender T., Hofmann W., Rothmund T.* Traits as Situational Sensitivities: Psychometric and Substantive Comments on the TASS Model Proposed by Marshall and Brown, 2006.
78. *Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. V. 21. P. 202–211.
79. *Schmitt M., Mohiyeddini C.* Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real life disadvantage // *Social Justice Research*. 1996. V. 9. P. 223–238.
80. *Schmitt M., Montada L., Dalbert C.* Struktur und Funktion der Verantwortlichkeitsabwehr // *Zeitschrift für Differentielle und Diagnostische Psychologie*. 1991. V. 11. S. 203–214.
81. *Schmitt M., Neumann R., Montada L.* Dispositional sensitivity to befallen injustice // *Social Justice Research*. 1995. V. 8. P. 385–407.
82. *Schmitt M., Rebele J., Bennecke J., Förster N.* Ungerechtigkeitssensibilität, Kündigungsgerechtigkeit und Verantwortlichkeitszuschreibungen als Korrelate von Einstellungen und Verhalten Gekündigter gegenüber ihrem früheren Arbeitgeber (Post Citizenship Behavior) [Justice sensitivity, layoff fairness, and responsibility attributions as correlates of post citizenship behavior of laid off employees] // *Wirtschaftspsychologie*. 2008. Nr. 10. S. 101–110.
83. *Staubach M.* Visual Attentional Bias toward Injustice: Cause or Consequence of Justice Sensitivity? An Approach Employing the Dot Probe Task // *Diplomarbeit aus dem Fachbereich Psychologie. Universität Koblenz-Landau, Campus Landau*, 2010.
84. *Strelan P., Sutton R.M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2011. V. 50. P. 163–168.
85. *Sutton R.M., Calogero R.M., Bardi A.* A certain kind of just-world belief: the epistemic purpose of believing life treats other people fairly: 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-1. P. 22.
86. *Sutton R.M., Douglas K.M., Wilkin K., Elder T.J., Cole J.M., Stathi S.* Justice for whom, exactly? Beliefs in justice for the self and various others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. V. 38. P. 528–541.
87. *Sutton R.M., Winnard E.J.* Looking ahead through lenses of justice: The relevance of just-world beliefs to intentions and confidence in the future // *British Journal of Social Psychology*. 2007. V. 46. P. 649–666.
88. *Sutton R., Douglas K.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 39. P. 637–645.
89. *Thomas N., Baumert A., Schmitt M.* Justice Sensitivity as a Risk and Protective Factor in Social Conflicts // *Justice and Conflicts*. 2012. P. 107–120.

90. *Van den Bos K., Maas M., Waldring I., Semin G.P.* Toward understanding the psychology of reactions to perceived fairness: The role of affect intensity // *Social Justice Research*. 2003. V. 6. P. 151–168.
91. *Van Hiel A., De Cremer D., Stouten J.* The personality basis of justice: The Five-Factor Model as an integrative model of personality and procedural fairness effects on cooperation // *European Journal of Personality*. 2008. V. 22. P. 519–539.
92. *Wagstaff G.F.* Correlates of the just world in Britain // *The Journal of Social Psychology*. 1983. V. 121. P. 145–146.
93. *Walke I., Smith H.* Relative deprivation. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
94. *Walster E., Walster G.W., Berscheid E.* Equity: Theory and research. Boston: Allyn & Bacon, 1978.
95. *Weigel R.H., Howes P.W.* Conceptions of racial prejudice // *Journal of Social Issues*. 1985. V. 41(3). P. 117–138.
96. *Wijn R., van den Bos K.* Toward a better understanding of the justice judgement process: The influence of previous just and unjust events on Justice Sensitivity // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 40. P. 1294–1301.
97. *Wu M.S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Zhou Ch., Han B.* Does It Bother Me to Profit from Others: Cross-Cultural Surveys on Beneficiary Sensitivity and Individuality Orientation // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-6. P. 24.
98. *Wu M.S., Yan X., Zhou CH., Chen Y., Li J., Zhu Z., Shen X., Han B.* General Belief in a Just World and Resilience: Evidence from a Collectivistic Culture // *European Journal of Personality*. 2011. V. 25. P. 431–442.

THEORIES AND EMPIRICAL RESEARCHES ON JUSTICE IN THE FOREIGN PERSONALITY PSYCHOLOGY

S. K. Nartova-Bochaver*, N. B. Astanina**

**Sc.D. (psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education Moscow;*

***PhD, assistant professor, Voronezh branch of Moscow Humanitarian and Economic Institute, Voronezh.*

The review of researches and theories in psychology of justice in foreign personality psychology is presented. Theories of belief in a just world and sensitivity to justice are analyzed. Methods and procedures of justice study in psychology are specified. Phenomenology of belief in a just world as a world-view attitude and justice sensitivity as a personal trait – is described. Prospects for psychology of justice for different fields of applied psychology are outlined.

Key words: psychology of personality, psychology of justice, belief in a just world, sensitivity to justice, prosocial attitudes, selfish attitudes, person's resources.